

«Понимаешь, Маня, как только я его увидела — я сказала: «это он». Ах, какой красавец! Ах» — хорошенькая, маленькая брюнетка говорила это, вертясь на табурете у рояля. Ею собеседница слушала ещё со спокойной улыбкой, перебирая ноты.

«Я знаю — ты смеёшься надо мною», — продолжала брюнетка — «ты серьёзная особа — для тебя «наружная красота» не играет роли, но Трофимов гений!»—«Гений, не гений, но большой талант».

«Хорошо, значит и по твоей теории, нет ничего удивительного, что я в него влюбилась» — обиженно произнесла она.

«Да ведь ты с ним незнакома, Ната».

«Что же из этого — я всегда бываю на выставках! Ах, его картины! А когда мне указали — вот сам Трофимов, я, как только взглянула, совсем потеряла голову! Зигфрид, понимаешь Зигфрид, надеть на него бы шлем с «крылышками».

«При смокинге это не красиво» — говорит Маня.

Ната очень рассердилась, но не выдерживает и хохочет.

«Хорошо, хорошо — насмехайся» — говорит она:

« я к тебе, моей любимой кузине, прихожу и говорю, что полюбила — а она смеётся».

Ната надувает губки.

«Милая Ната, который ты раз полюбила на этой неделе?»— спрашивает Маня насмешливо.

«А ты подразумеваешь того кавалерийского юнкера, о котором я говорила третьего дня — ну это пустяки, а теперь это серьёзно... Я не спала целую ночь и, как только встала, сейчас к тебе, ты должна мне помочь, если любишь меня».

«Чем же я могу помочь?»

«Я хочу написать ему письмо» — торжественно заявляет Ната: «но... я ничего не могу придумать такого... понимаешь интересного, да и пишу я с ужасными ошибками. А ты... милочка, душка, ведь ты даже свои стихи печатаешь — что тебе стоит!

Не откажи — я заведу с ним переписку, познакомлюсь с ним, и все мои подружки лопнут от зависти!»

Наташа бросилась на шею своей собеседнице и принялась душить её поцелуями.

«Ну, хорошо, хорошо» — отбивалась та: — «что же ты хочешь написать?»

«Ах», все равно, все равно, только бы он ответил! «Хорошо, зайди вечером» — меня саму это заинтересовало — хочу попробовать, удастся ли мне этот жанр беллетристики».

Василий Петрович Трофимов, начинающий входит моду, художник, только что, поднявшись с постели, делал упражнения с гирями.

«А, Борис, мне тебя и надо!» — весело закричал он», увидев своего друга Ломова, вошедшего в его мастерскую. — «Я сегодня даже собирался заехать к тебе.

— «В чем дело?»

--«Видишь — я начинаю входить в моду. Меня выставляют, меня ругают, даже покупают — и в результате, конечно, дамские письма. Большею частью я на них не обращаю внимания, но сегодня я получил одно не похожее на предыдущие — и почерк и бумага. Может быть какая-нибудь аристократка, надо ответить. Вот прочти» — и Трофимов» передал Ломову тонкий листок почтовой бумаги.

Ломов начал читать с насмешливой улыбкой, но потом улыбка эта исчезла и он, прочитав письмо, бережно сложил его и задумчиво произнёс.

«Какая умница — зачем она делает такую глупость, как это письмо».

«Почему глупость?»

Как тебе сказать, хотя в письме и нет намёка на флирт, но, ведь, ты на него посмотрел, как на попытку к флирту.

«А то зачем» бы она писала?» — удивился Трофимов.

«Вот видишь — она сделала глупость — ей хотелось высказать свой восторг перед твоим талантом, высказать свои заветные мысли об искусстве, и она не подумала о том, как ты помотришь на это письмо... Что же ты на него ответишь?» — «Вот», вот — за этим то, ты мне и нужен». Ответ за меня — сам знаешь, в писании я не боек! А кто знает, может быть, это какая-нибудь графиня или дочь банкира с миллионами».

Ломов» рассмеялся.

«Ну, давай, попробую. Почтовое отделение X. Z. Ну, где у тебя здесь можно написать?»

Семён», Семён», есть у тебя чернила? Да уж кстати дай и конверт»».

«Нет, я уж лучше напишу дома» — сказал Ломов, брезгливо отстраняя грязный пузырёк и изгрызанную вставку, которые принёс Семён.

Переписка завязалась оживлённая.

Но по мере того, как пишущие все более увлекались ею, те, от имени кого они писали, совсем к ней охладели.

Ната влюбилась в кирасирского офицера и флиртовала с ним напропалую, а Трофимову — просто надоело читать эти «больно учёные письма». Он их больше не читал и отдавал Ломову не распечатанными со словами: «А тебе опять письмо от твоей».

Ната не ходила даже за письмами на почтамт и изредка только спрашивала: «что этот» дурак всё ещё разводит свою философию, ты мне скажи, когда он станет наконец просить свидания».

А Маня и Ломов» писали чуть не каждый день. Это не была любовная переписка, но они, так привыкли делиться своими впечатлениями, что у обоих эти письма — скорей беседы в письмах о самых разнообразных вопросах, сделались необходимыми. Но искать свидания они не решались, ведь они были «не те, которые писали».

«Марья Николаевна! Как это мило, что вы, наконец зашли ко мне!» — встретила Манют-те. Грев. Позвольте вас познакомить — наша знаменитость т-г Трофимов»».

Манина рука слегка дрогнула, кровь прилила к щекам».

Трофимов был в ударе. Рассказывая анекдоты; острил невпопад и сам хохотал первый над своими остротами, сплетничал, хвастал своими успехами и победами над женщинами... Ломов терпеть не мог семейных торжеств, а в этот день ему пришлось, купив букет, отправиться поздравлять с днём рождения одну из своих тётушек.

Он уже два дня не получал писем от Мани и потому был не в духе.

Его раздражали эти салонные разговоры, а тётушка, как нарочно, посадила его около группы девиц, шепнув: «займи барышень».

Он уже собирался уйти, не прощаясь, когда услышал фразу: «Ну, Ната, сознайся, ты была равнодушна к Трофимову, ты даже писала ему».

Он быстро повернулся. Так неужели эти милые письма писала эта Ната Шатикова, на которую, встречая её у тётушки, он почти не обращал внимания.

«Ах т-г Борис» — воскликнула Ната — «заступитесь за меня у них» — она кивнула головой на подруг: «вечные фантазии! Я совсем не умею влюбляться, мне просто нравилось мистифицировать этого господина... Ах, mesdames, какие глупо сентиментальные письма он пишет — я вам когда-нибудь прочту — вы умрётё со смеху».

Ломов воспользовался первым подходящим моментом и скрылся.

Он возвращался домой в странном настроении, ему казалось, что рухнуло какое-то красивое, лёгкое здание, что-то светлое и хорошее умерло позорной смертью.

Он насмешливо улыбнулся и, вынув из кармана последнее письмо Мани, разорвал его и следил как клочки тонкой белой бумаги падали на грязную мостовую.

Он решил больше не отвечать на письма. Да Маня больше и не писала. Вернувшись от т-те Грев с пылающим лицом и сдвинутыми бровями, достала она пачку писем Ломова и швырнула её в топящуюся печку, потом тут же у печки присела на ковёр, закрыла лицо руками и тихонько заплакала.

